

Читайте в серии:

Антикафе «Чайный час»

Алиса Тиллит

ЛИТТА
ЛИНСКИ

Менк
и порох

Москва
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л59

Иллюстрация на обложке *ACell99*

Серийное оформление *Александры Яблочкиной*

Лински, Литта.

Л59 Шелк и порох / Литта Лински. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. — (Румперия. Шепот любви).

ISBN 978-5-04-231883-2

Франция, охваченная огнем революции и якобинского террора. Опальная аристократка Эмильенна де Ноалье сначала попадает в тюрьму, а потом оказывается пленницей беспринципного якобинца. Но так ли беззащитна жертвенная принцесса в лапах страшного дракона? Роман о том, как на почве ненависти рождаются понимание, дружба и любовь. О том, как два бесконечно разных человека, пройдя множество опасностей и приключений, становятся близки, постепенно меняясь под влиянием друг друга, но до конца оставаясь собой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231883-2

© Литта Лински, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть
первая

Посвящается моей сестре Алисе,
без которой эта книга никогда бы
не появилась на свет.

Париж, август 1793

Глава 1

Старое, мрачное, величественное здание тюрьмы Консьержери на берегах Сены приковывало к себе взгляд и кого угодно заставляло задуматься о бренности жизни и переменчивости судьбы. Но Арман де Ламерти взирал на средневековый бастион без малейшего трепета, совершенно спокойно и даже с какой-то усталой скукой. В последние месяцы он ходил сюда, как ходит на службу какой-нибудь мелкий клерк, и испытывал по этому поводу схожие эмоции. Это была рутина, пусть и не лишенная полезности.

С тех пор как Арман стал членом революционного комитета, он многое повидал. Люди, отправляемые на гильотину, не нарушали его покоя, не лишали сна и аппетита. Он не испытывал к ним ни ненависти, ни жалости. Ему было все равно. Но вот что было ему далеко не безразлично, так это состояния несчастных, ценой которых они могли купить себе жизнь. Именно этим и занимались комиссии по реквизициям, в состав которых Арман попадал довольно часто: предлагали арестованным аристократам избежать гильотины, отдав в собственность революционного комитета то, чего революции не удалось лишить их до этого. Если в начале смутного времени у кого-то, как у самого Армана, хватило ума поместить свои состояния или хотя бы их часть в банки других государств, то задачей реквизиционной комиссии было уговорить заключенных передать все «в дар» на благо респуб-

лики. Те, кто соглашался, получали жизнь, но лишались всего. Иные же предпочитали сохранить свои состояния для наследников.

Надо сказать, что Арман занимался реквизициями отнюдь не в интересах республики, а исключительно в своих собственных. С тысяча семьсот девяносто первого года его и так немалое состояние увеличилось практически вдвое за счет имуществ осужденных. Поначалу посещения тюрем его даже занимали. Тонкий знаток человеческой натуры, он с любопытством наблюдал, как борются в обреченных два могущественнейших инстинкта — жажда жить и любовь к собственности. Но потом это наскучило, и реквизиции стали рутинной.

— А вот и он! — услышал Арман и обернулся.

К нему быстрым шагом шли двое. Первый — молодой человек приятной наружности, в чертах которого читалась принадлежность к аристократии. Второй был антиподом своего спутника: грубые черты, злобное, лишенное мысли выражение лица, огромный рост и крепкое сложение сразу выдавали в нем наследственного простолюдина.

— Надо же! — ухмыльнулся здоровяк. — Видать, и впрямь прошли времена, когда знать валялась в постелях до вечера. Нынче на ногах раньше нас, грешных. Давно нас поджидаете, гражданин Ламерти?

Арман с презрением окинул его взглядом. Как же он ненавидел этого ублюдка! Хотя бы потому пора бросать все, что приходится выслушивать речи таких, как Парсен. Ничтожество! Башмачник, которому раньше Арман ни за что не доверил бы лакировку своих туфель, позволял себе подобный тон в разговоре с тем, чей плевок в его сторону был бы честью.

— Вы что-то задержались сегодня, Жерар. — Арман намеренно обратился лишь к молодому человеку.

— Ты прав, извини, что заставили ждать. — Юноша улыбнулся. Его приятная улыбка должна была стать залогом примирения между Арманом и Парсеном.

Все трое торопливо прошли в ворота тюрьмы, пересекли двор, миновали тюремные коридоры и оказались у две-

рей жандармской приемной. Арман первым распахнул дверь и обвел скучающим взглядом собравшихся там людей. Несчастные аристократы, чей облик нес печать лишений и душевных страданий, и — в противоположность им — сытые, по большей части тупые лица жандармов. Все как обычно.

Нет, не все! Глаза Армана вдруг остановились на женском лице. Единственная среди мужчин женщина, а точнее юная девушка, невольно приковывала к себе взгляд.

— Какая красавица! — слышал Арман за спиной тихое восклицание Фабри.

Заключенная и правда была чудо как хороша. Она была слишком худа, бледна, платье ее и волосы находились в беспорядке, который, несмотря на все усилия обладательницы, невозможно было скрыть. И все же эти недостатки лишь оттеняли природную красоту. Девушка была невысокого роста, великолепно сложена, что было очевидно вопреки худобе, имела идеальный овал лица, прелестно очерченные губы, не потерявшие нежно-розового цвета. Светлые с золотистым отливом локоны были распущены и струились водопадом по плечам и спине из-за невозможности в условиях тюремной жизни укладывать их в замысловатые прически. Но больше всего поражали ее глаза. В обрамлении темных пушистых ресниц они сверкали глубокой голубизной горного озера. Девушка была прекрасна!

Арман считался знатоком и ценителем дамской красоты, а потому с удовольствием любовался юной заключенной. Ей же (это читалось в выражении лица) были крайне неприятны любопытные и откровенные мужские взгляды.

— Ох, какая лапочка! — Парсен тоже заметил ее. — Ты моя, красавица!

Омерзение, возникшее на лице девушки и остальных заключенных, его не смутило — скорее раззадорило.

— Что скривилась? Неужто тебе не по нраву любезности настоящего мужчины? Привыкай, милочка, потому что я тебя забираю. Ты выйдешь из тюрьмы — и вовсе не на гильотину.

Причем это не будет стоить тебе ни единого экю¹, в отличие от остальных присутствующих. Я забираю ее! — обратился Парсен к жандармам и своим товарищам по комиссии.

Живое лицо девушки, на котором легко читалась смена чувств, изображало крайний ужас.

— Не так быстро, Парсен, — спокойно прервал разглагольствования бывшего башмачника Арман. — Девушка пойдет со мной.

— Это еще почему? Я первый решил ее реквизировать! — Парсен грубо расхохотался собственной шутке.

— Потому что я председатель реквизиционной комиссии, гражданин Парсен. Надеюсь, вы об этом не забыли?

— Я хочу забрать девчонку! Прошли времена, когда знать заправляла и указывала нам наше место. Теперь место знати здесь! — Парсен указал на скамьи, где сидели заключенные, но тут же осекся. В составе комиссии было двое бывших аристократов против него одного — выходца из народа. И если с Арманом его связывала давняя антипатия, порой перераставшая в открытые ссоры, то с Жераром де Фабри Парсен обычно пребывал в довольно мирных отношениях, чему, впрочем, способствовал гораздо более незлобивый, веселый характер Фабри, чем сдержанность или симпатия самого Парсена.

— Девушка пойдет со мной, — повторил Арман. — Это официальное решение председателя реквизиционной комиссии. Можете оспорить его на очередном заседании комитета, гражданин Парсен. Но не советую. Едва ли за этой малюткой числится большое состояние, а жажда отправить ее на эшафот вряд ли будет в членах комитета слишком сильна. В любом случае я обращаю внимание комитета на тот факт, что изначально вы сами планировали поступить с девицей так, как поступил я, и гражданин Фабри это подтвердит.

Парсен понял, что проиграл. В изворотливости ума он бесконечно уступал Арману. Кроме того, Арман изучал право в Сор-

---

¹ Э к ю — название средневековых золотых и серебряных монет Франции.

бонне, а потому был весьма сведущ во всяких юридических ухищрениях.

— Итак, — обратился Арман к начальнику жандармов, — девицу я забираю. Предайте мне ее документы, будьте добры.

— Да что же это такое! — не выдержав, подал голос пожилой мужчина из числа заключенных. — Вы словно работоторговцы на невольничьем рынке. Вы говорите о человеке! Как можно забрать ее, словно собственность или рабыню?! Опомнитесь! Неужто в вас не осталось ничего человеческого?

— И кто у нас заговорил о человечности? — Арман сверился с папкой досье, составленных на каждого заключенного. — Месье де Контильяк... Не сомневаюсь, что вам хорошо знакома атмосфера невольничьих рынков. Ваши плантации в Новом Свете наверняка нуждаются в постоянном притоке рабов и рабынь, и если не вы лично, то ваш управляющий постоянно покупает тех, кого можно назвать человеком, как и эту девицу. Почему же вас так возмущают наши действия? — Арман поморщился от слова «наши», которое вынужден был употребить, невольно поставив себя на одну доску с Парсеном. — Или то, что можно в Гватемале, никак не допустимо в Париже?

Во время перепалки девушка смотрела в основном на Армана, и на ее подвижном лице сменялись выражения страдания и робкой надежды. Она пыталась понять, что за человек председатель комиссии и какая участь ее ожидает. Вне всяких сомнений, не могло быть ничего ужаснее Парсена, но что таит в себе этот, другой?

Арман тем временем обратился к соратникам:

— Надеюсь, господа, что ваша обида, вызванная моим произволом, чуть поутихнет, если я откажусь принимать дальнейшее участие в сегодняшних реквизициях и, соответственно, не буду претендовать на долю, которую вы сможете поделить на двоих. А я, с вашего позволения, покину вас, лишив заодно прелестного общества юной мадемуазель.

С этими словами Арман подошел к девушке, бесцеремонно взял ее за руку и потащил к выходу.

— Пойдем, моя красавица! — бросил он ей на ходу.

Надежда больше не освещала прелестное личико. Перед тем как выйти из зала, она в последний раз с тоской посмотрела на друзей по несчастью и прошептала:

— Прощайте! Да хранит нас всех Пресвятая Дева!

Потом несчастная перевела взгляд на человека, который практически тащил ее по коридору. Увы, у нее не осталось ни малейших сомнений насчет уготованной ей участи.

Глава 2

Во время поездки в открытом экипаже Эмильенна де Ноалье (именно это имя носила девушка, ставшая яблоком раздора между членами реквизиционной комиссии) украдкой бросала взгляды на своего спутника. Арман де Ламерти был хорош собой: высокий, худощавого, но мужественного сложения, с классически утонченными чертами лица. Голубые, насмешливо прищуренные глаза холодны как лед. Он не признавал париков, а потому собирал свои длинные светло-русые волосы в хвост. Несколько прядей, выбиваясь из его прически с искусственной небрежностью, подчеркивали скулы и идеально прямой нос. Красота Армана была подобна красоте статуи, лишенной человеческого тепла. На идеальном лице читались в зависимости от обстоятельств равнодушие, презрение ко всему миру или насмешка.

Заметив интерес спутницы к своей персоне, Арман заговорил:

— Однако ж, мадемуазель, за все время нашего знакомства вы не проронили ни слова. Что вы обо всем этом думаете? — В его голосе слышалась неприкрытая насмешка.

— Будто для вас имеет хоть какое-нибудь значение, что я думаю!

Холодность и высокомерие, которые Эмильенна вложила в свои слова, а также само содержание ее ответа удивили Армана.

— Не слишком ли дерзко ты отвечаешь, малютка? В твоём положении я бы не позволял себе подобного тона.

— Будь мой тон предельно учтив, вряд ли он изменит моё положение, — ответила Эмильенна.

— Соглашусь. И все же будь повежливей. Ты должна быть мне благодарна: я спас тебя от гильотины.

— Я испытывала бы к вам бóльшую благодарность, отправь вы меня туда! — В её голосе прозвучала неподдельная искренность.

— Даже так? — Арман удивленно изогнул бровь и задумался, надолго замолчав.

Дорога до особняка Ламерти, располагавшегося на острове Сите, заняла не более получаса. Выходя из экипажа, Арман с насмешливой галантностью подал Эмильенне руку, на которую та оперлась с таким высокомерием, будто принимала помощь от слуги.

«Ну-ну, — подумал Арман. — Оказывается, месяцы тюрьмы не сбили с тебя спесь. Что ж, мне будет достаточно для этого пары дней, а то и пары часов. Ты у меня быстро поймешь, чего теперь стоит твоя гордость!»

Войдя в дом, Арман обратился к встречающему их слуге:

— Люсьен, проводи мою гостью, ей надо привести себя в порядок. И окажи ей помощь с её гардеробом, насколько это вообще возможно.

Затем он повернулся к девушке:

— Вечером, мадемуазель, я жду вас к ужину.

Люсьен, мужчина лет тридцати с небольшим, исполнял большинство обязанностей по дому ввиду того, что многочисленные слуги разбежались, предпочтя получать по три франка ежедневно за «работу» в комитетах, чем исполнять прихоти взбалмошного, вспыльчивого хозяина. Чёрнь пьянило ощущение равенства и свободы. Но Люсьена Обера не так-то легко было сманить из особняка Ламерти. Ни три франка, ни тридцать не заменили бы ему доверительных отношений с господином. Будучи несколькими годами старше Армана, с детских лет он был его наперсником в тех делах и забавах, в которых возмож-

но участвовать человеку его звания. Люсьен отлично знал нрав своего хозяина, не раз попадал под горячую руку, но его преданность Арману была безмерной. То был верный пес, готовый ради хозяина на любое преступление. Вот и сейчас, увидев бледную красивую девушку с тоской в глазах, Люсьен сразу догадался, какого рода эта «гостья». Но ни капли жалости не отразилось на его лице, а голос вышколенного слуги был предельно почти-телен.

— Пройдемте, мадемуазель!

Он проводил Эмильенну в ванную комнату, попросил оставить платье у дверей и исчез.

Эмильенна пребывала в полнейшем замешательстве. Она умирала от желания принять ванну, чего так долго была лишена в тюрьме, и в то же время мысль о том, чтобы раздеться в доме, где находятся двое незнакомых мужчин, приводила ее в ужас. В конце концов чистоплотность победила стыдливость, и, положившись на благородство (которое трудно было предположить в обитателях дома), она разделась и с чувством невыразимого блаженства погрузилась в горячую воду. Сначала она планировала вымыться как можно быстрее, но возможность наконец-то позаботиться о себе — насладиться ароматной водой с лавандой, вымыть каждую прядь волос, которые уже не первую неделю казались ей грязной соломой, выстирать свое белье, вновь почувствовать себя женщиной — заставила ее позабыть и о времени, и об опасности.

Когда же Эмильенна наконец вытерлась пушистым полотенцем и обернулась в него, став похожей на античную статую, то за дверью ванной нашла свою одежду, вычищенную Люсьеном так хорошо, как только было возможно в столь короткий срок. Она оделась, с тоской посмотрела на свои волосы, которые в отсутствие шпилек совершенно не представлялось возможным собрать хотя бы в простейшую прическу, и села у окна, размышляя о переменах в своей жизни.

Через некоторое время в дверь деликатно постучали. На пороге стоял Люсьен.

— Господин просит вас к ужину.